ИЗЪ СЛУЖЕБНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ В. С. ТОЛСТАГО.

Владиміръ Сергѣевичъ Толстой служилъ долгое время чиновникомъ особыхъ порученій при Е. А. Головинѣ и потомъ при князѣ Воронцовѣ. П. Б.

Въ 1852 году въ Закавказьи, два охотника изъ слободы Алты-Агачь (Шемахинскаго уѣзда), населенной на половину молоканами и на половину скопцами, охотясь въ горахъ по первому осеннему снѣгу, напали на слѣдъ куницы и, идя по этому слѣду, въ лѣсномъ ущельѣ, близъ дороги, ведущей въ Шемаху, набрели на груду камней, подъ которыми скрылась куница. Раскидавъ эту груду, они нашли трупъ скопчихи, у которой одна нога была уже обгрызена, повидимому куницей *).

Наряжено слѣдствіе, но безуспѣшно: ни личность убитой ни время убійства, слѣды котораго явно обозначались на трупѣ, ни виновники душегубства, не были открыты. Губернскій жандармскій штабъ-офицеръ, доводя до свѣдѣнія своего начальства объ этомъ происшествіи, писалъ, что Алты-Агачинскіе скопцы, находясь подъ покровительствомъ своихъ богатыхъ единовѣрцевъ, живущихъ въ самой Шемахѣ, совершаютъ изувѣрства, насильственно скопятъ людей, и въ доказательство привелъ нѣсколько случаевъ подобнаго насилія.

Это донесеніе жандармскаго штабъ-офицера было передано, по высочайшему повелѣнію, Кавказскому намѣстнику, князю Воронцову, который поручилъ мнѣ раскрыть преступленія, совершенныя среди скопцовъ Алты-Агача и Шемахи, ознакомиться съ ихъ ученіемъ, обрядами и обычаями и придумать мѣры къ обузданію ихъ изувѣрства.

По пути въ Шемаху, я встрѣтилъ тамошняго губернатора, Сергѣя Гавриловича Челяева (природнаго Грузина, но совершеннаго

---

*) Дѣло 1853 года канцеляріи намѣстника Кавказскаго о скопцахъ Шемахинской губерніи.

Европейца). Онъ сообщилъ мнѣ, что съ его стороны сдѣлано распоряженіе оказывать мнѣ всевозможное содѣйствіе, не бюрократическое только, а на самомъ дѣлѣ. О какой-либо канцелярской помѣхѣ и рѣчи быть не могло: князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, несмотря на мягкость въ обращеніи, на изысканную вѣжливость и внимательность, имѣлъ замѣчательный даръ держать своихъ подчиненныхъ въ наистрожайшемъ повиновеніи.

Передъ выѣздомъ изъ Тифлиса, я заѣхалъ проститься съ экзархомъ Грузіи, дѣятельность котораго въ то время была направлена на построеніе и возобновленіе опустѣвшихъ храмовъ экзархата. Высокопреосвященный, узнавъ, куда я ѣду, просилъ меня осмотрѣть и, по возвращеніи, передать ему подробности о положеніи вновь воздвигаемаго собора въ городѣ Шемахѣ. При этомъ святитель передалъ мнѣ, что въ этомъ городѣ, кромѣ эпархіальнаго священника о. *Зотика* (природнаго Грузина), есть еще священникъ военнаго вѣдомства, мѣстнаго линейнаго баталіона, и что эти два духовныя лица враждуютъ между собою до такой степени, что, встрѣчаясь другъ съ другомъ на улицѣ, производятъ истинный соблазнъ для жителей: обстоятельство прискорбное, а тѣмъ паче въ городѣ, который почти сплошь населенъ магометанами.

Прибывъ въ Шемаху, я послалъ спросить отца Зотика, когда могу я осмотрѣть строющійся соборъ? Священникъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ. То былъ небольшой, коренастый, смуглый, черноволосый мущина, среднихъ лѣтъ; лицо его было благообразно, но его черные глаза поражали блескомъ и выраженіемъ неустрашимой энергіи. Переговоривъ о соборѣ, я передалъ Зотику, что высокопреосвященный экзархъ крайне возмущенъ его ссорами съ баталіоннымъ священникомъ, которыя вообще неприличны для лицъ духовнаго сана, но особенно производятъ соблазнъ среди магометанскаго населенія, у котораго и безъ того часто совершаются передъ глазами всяческія безобразія, творимыя лицами выключенными изъ духовнаго званія и присылаемыми подъ надзоръ Шемахинской полиціи. На это Зотикъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не въ силахъ сдержать себя: идя по одной сторонѣ тротуара, онъ встрѣчается со священникомъ, идущимъ по противуположной сторонѣ, и тотъ кричитъ во все горло: «Здравствуй, отецъ Лезгинъ *)»! Я спросилъ у собесѣдника, откуда родомъ военный священникъ, и узнавъ, что онъ «*Хохолъ*», замѣтилъ, что гораздо

*) Подъ словомъ „Лезгинъ“, въ Шемахѣ подразумѣвается воръ, грабитель, разбойникъ, убійца.

лучше, вмѣсто брани, хладнокровно поклониться ему и сказать: «Здравствуй, отецъ Мазепа». Зотикъ спросилъ, что значитъ слово «Мазепа?» Я ограничился увѣреніемъ, что это слово произносится священнослужителями даже въ церкви, и затѣмъ распростился со своимъ гостемъ. Въ скоромъ времени Зотикъ вернулся ко мнѣ и, торжествующій отъ удовольствія, разсказалъ, какъ уходя отъ меня, встрѣтился онъ со своимъ противникомъ, который, по обыкновенію, привѣтствовалъ его «Лезгиномъ», на что Грузинъ хладнокровно отвѣчалъ ему новымъ привѣтствіемъ. Военный священникъ перебѣжалъ улицу, обнялъ Зотика и сказалъ: «Помиримся, только никогда не говори мнѣ этого слова!» И дѣйствительно, съ этого времени вражда и брань между іереями прекратились.

Отецъ Зотикъ часто посѣщалъ меня и настойчиво увѣрялъ, что Алты-Агачинскіе молокане готовы обратиться въ православіе, но при этомъ не договаривалъ, какія причины удерживаютъ ихъ отъ исполненія этого намѣренія.

Съ земскою полиціею отправился я въ Алты-Агачь, одну изъ прелестнѣйшихъ мѣстностей горнаго Закавказья.

Поселеніе молоканъ представляло два ряда Русскихъ избъ, такихъ, какія встрѣчаются къ нашихъ селахъ у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ. Эта слобода была расположена на берегахъ прозрачнаго горнаго ручья, въ узкомъ ущельѣ, обрамленномъ высокими горами, которые покрыты вѣковыми деревьями чинара, дуба, каштана, волоцкихъ орѣшниковъ и проч. Молокане, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ душъ, были представителями чистѣйшей, красивой, богатырской Русской породы. Толпы красивыхъ, здоровыхъ ребятишекъ, игравшія на улицѣ, свидѣтельствовали о плодовитости этого населенія. Надъ самою слободою, на вершинѣ горы, красовался огромный караванъ-сарай; по высочайшему повелѣнію, воспрещено было ломать всѣ древніе памятники края.

Мнѣ отвели квартиру въ красивомъ домѣ, окруженномъ открытою галлереею, на которой я ежедневно проводилъ вечеръ въ бесѣдѣ съ кѣмъ-либо изъ молоканъ: они восхищали меня своимъ умственнымъ развитіемъ, здравымъ практическимъ смысломъ, строгостью правилъ и серьезными, степенными разговорами.

Какъ-то непріятно поражало мой слухъ, когда они своихъ единовѣрцевъ обозначали словомъ *«наши»*, а говоря о православныхъ, постоянно называли ихъ *«Русскіе»*. Эта рознь на нашей Азіатской окраинѣ обратила на себя мое вниманіе еще и потому, что восточная война уже предвидѣлась въ близкомъ будущемъ.

Вслѣдствіе этого я усугубилъ стараніе внушить своимъ собесѣдникамъ какъ можно болѣе довѣрія къ моей личности, и это мнѣ удалось настолько, что я вскорѣ узналъ о готовности многихъ мѣстныхъ молоканъ перейти въ православіе; но при этомъ объяснилось, что ихъ удерживало опасеніе понести кару за свои прежнія дѣянія, которыя были извѣстны ихъ единовѣрцамъ. Въ частномъ письмѣ къ князю Воронцову я упомянулъ о томъ.

Дѣло о скопцахъ шло своимъ чередомъ. Открылись улики. Такъ напримѣръ, Алты-Агачинское скопческое кладбище вмѣщало въ себѣ гораздо болѣе могилъ, чѣмъ сколько было водворено скопцовъ въ этой слободѣ за все время, а письменные документы этихъ изувѣровъ свидѣтельствовали объ отсутствіи всякой смертности.

Въ изслѣдованіи дѣла о скопцахъ мнѣ помогала моя прежняя опытность, пріобрѣтенная во время моей службы, когда я въ крѣпости Анапѣ имѣлъ у себя подъ командою болѣе двухъ сотъ скопцовъ, при которыхъ находились и скопчихи. Еще Алексѣй Петровичъ Ермоловъ приказалъ высылать нижнихъ чиновъ, принадлежавшихъ, по его выраженію, къ *сей глупой сектѣ*», въ особую команду, расположенную въ мѣстечкѣ «*Маранъ*», для употребленія въ мѣстныя работы. Въ послѣдствіи такая же команда учреждена въ Анапѣ, при линейномъ баталіонѣ. По этому примѣру всѣхъ Алты-Агачинскихъ скопцовъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, я выслалъ въ г. Шемаху. Тогда оставшіяся скопчихи стали чистосердечно разсказывать все мнѣ нужное, и только нѣсколько старухъ, да немногіе изъ молодыхъ, оказали упорство.

Мнѣ вовсе не было извѣстно, что князь Воронцовъ, принявъ во вниманіе мое частное письмо о молоканахъ, вошелъ о томъ со всеподданнѣйшимъ представленіемъ; а между тѣмъ я еще не кончилъ своихъ занятій въ Алты-Агачѣ, какъ получилъ приказаніе намѣстника объявить мѣстнымъ молоканамъ высочайшее именное повелѣніе, что впредъ воспрещается принимать доносы отъ молоканъ на своихъ единовѣрцевъ, обращающихся въ православіе.

По объявленіи этого всемилостивѣйшаго повелѣнія, очень многіе изъ мѣстныхъ молоканъ заявили желаніе принять православіе. Я немедленно вызвалъ о. Зотика, который, выбравъ желающихъ перейти въ лоно нашей церкви, приступилъ къ крещенію однихъ и къ присоединенію другихъ. При мнѣ окрещено много молоканъ въ Алты-Агачѣ. Помню между прочимъ нѣкоего Орлова, человѣка лѣтъ сорока, по ремеслу кузнеца. Когда его крестили, онъ обратилъ на себя вниманіе обиліемъ слезъ и неудержимыхъ рыданій. По совершеніи таинства, я спросилъ его о причинѣ слезъ и получилъ такой отвѣтъ:

«Какъ не плакать о томъ, что коснѣлъ въ грѣховности и что батюшка Царь Небесный, по милосердію Своему, сподобилъ меня узрѣть свѣтъ истины!»

Изъ Алты-Агача я переѣхалъ въ Шемаху, гдѣ было много богатыхъ сектантовъ.

Въ разговорѣ съ губернаторомъ объ обращеніи молоканъ въ православіе, я замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, это событіе не будетъ имѣть существеннаго значенія, если не обратятъ вниманіе на утвержденіе новокрещеныхъ въ новой вѣрѣ, а для этого необходимо назначить умнаго и ученаго священника, который съумѣлъ бы бесѣдовать съ бывшими молоканами, вообще большими начетчиками въ Священномъ Писаніи; нужно также воздвигнуть благолѣпный храмъ въ Алты-Агачѣ, и только при этихъ условіяхъ можно надѣяться, что обращеніе въ православіе приметъ въ Закавказьи бóльшіе размѣры. Къ сожалѣнію, оказалось, что въ распоряженіи намѣстника не было свободныхъ суммъ для постройки храма.

Черезъ нѣсколько дней, полицеймейстеръ заѣхалъ ко мнѣ отъ губернатора и сообщилъ, что многіе Шемахинскіе скопцы желаютъ внести денежныя пожертвованія на сооруженіе храма въ Алты-Агачѣ, и при этомъ спросилъ, приму ли я отъ нихъ такія пожертвованія, изъ которыхъ составится изрядная сумма. Я попросилъ его доставить мнѣ предварительно списокъ такихъ жертвователей, и въ этомъ спискѣ увидѣлъ, что изъ числа жертвователей только одинъ скопецъ, со времени своего водворенія въ Шемахѣ, не сдѣлалъ ничего преступнаго, за что его можно было бы причислить къ изувѣрамъ. Поэтому я сказалъ полицеймейстеру, что если этотъ именно скопецъ желаетъ что-либо пожертвовать, то я готовъ принять его завтра, въ полдень.

Кстати замѣчу, что въ Закавказьи множество зданій сооружены частными богатыми благотворителями, ради полученія какого-либо ордена, медали или темляка, т.-е. офицерскаго званія.

Пригласивъ къ себѣ въ этотъ день жандармскаго штабъ-офицера и губернскаго прокурора, я отдалъ приказаніе ввести ко мнѣ скопца, какъ только онъ придетъ. Вошедшій старикъ обратился ко мнѣ съ просьбою принять его посильное жертвованіе на построеніе церкви въ Алты-Агачѣ, такъ какъ, будучи ревностнымъ православнымъ, онъ «еще до разума», въ юности, попалъ въ скопческую секту, теперь же остается вѣрнымъ исполнителемъ правилъ православной церкви, что̀ можетъ подтвердить и духовникъ его, городской священникъ.

Когда я согласился принять отъ него добровольное пожертвованіе, то старикъ подалъ мнѣ пачку депозитокъ въ нѣсколько тысячъ рублей, которую я, раздѣливъ на двѣ части, попросилъ своихъ го-

стей пересчитать, а самъ сталъ писать росписку. Затѣмъ, написалъ я бумагу въ мѣстное казначейство, прося принять и хранить прилагаемыя деньги впредъ до распоряженія намѣстника.

Повидимому, всѣ обратившіеся въ православіе молокане Алты-Агача искренно предались новой вѣрѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не воспользовался правомъ, которое предоставлено закономъ, принявшимъ православіе возвращаться на родину.

Князь Воронцовъ самъ занялся разсмотрѣніемъ плана церкви для Алты-Агача, исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на пріобрѣтеніе матеріала для этой церкви, приказалъ разобрать караванъ-сарай, расположенный надъ слободою, и вскорѣ новообращенные Алты-Агачинцы спустили съ горы тесаные блоки прекрасныхъ горныхъ породъ. Члены Императорской фамиліи соблаговолили принять участіе въ пожертвованіи на украшеніе храма и выслали прекрасную утварь и ризницу.

Такимъ образомъ, стараніемъ и усердіемъ князя Михаила Семеновича Воронцова, молоканская слобода обращена въ Русское село Алты-Агачь, съ прекрасною церковью.

Скопцы были выведены изъ Алты-Агача. Мнѣ радостно вспомнить, что я былъ при этомъ орудіемъ. Объ ихъ ереси составлено мною описаніе, напечатанное въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ Университетѣ», въ кн. 4, 1864 года. Это описаніе хотя гораздо короче свѣдѣній собранныхъ г. Надеждинымъ и изданныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но заключаетъ въ себѣ многое, чего нѣтъ въ этомъ послѣднемъ изданіи.